

Братерский М.В.¹

Постлиберализм против нелиберальной демократии: как мировоззрение разделяет Европейский союз и Россию

Аннотация. В экспертном сообществе и политических кругах уже несколько десятилетий обсуждается вопрос о противоречиях, препятствующих сближению Европейского союза и России. Среди причин «развода», начавшегося еще в первой половине 2000-х годов и ставшего очевидным в 2008 г. после конфликта в Южной Осетии, называют и разнонаправленные геополитические интересы, и экономические разногласия, и многое другое. Особое внимание в научной литературе уделяется растущему разрыву в ценностных представлениях Евросоюза и России и невозможности найти компромисс между взглядами обеих сторон на устройство общества и мира, на роль личности и государства и в целом на понимание природы добра и зла.

Традиционно система европейских ценностей включала в себя «основные права и свободы человека, либерализм в экономике и политике, равноправие всех перед законом и верховенство закона»². Однако представляется, что сегодняшняя си-

¹ Братерский Максим Владимирович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором ИНИОН РАН; профессор, ведущий научный сотрудник, факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (mbratersky@hse.ru).

² [Ярошенко, 2011]. Эти вопросы подробно рассматривались, в частности, в работах Д. Хэя [Hay, 1957], Ф. Черутти [Cerutti, 2001]. Из работ российских авторов см., напр.: [Чубарьян, 1987; Рубинский, 2007].

туация существенно отличается от ситуации, описанной исследователями в 1990–2000-х годах. Изменилось не только мировоззрение России, изменилась и ценностная основа Евросоюза. В процессе глобализации и сопутствовавшего ей формирования наднациональных элит Европейский союз пришел к экстремальным формам либерализма, несовместимым с системой традиционных ценностей, укрепляющейся в России. Помимо ценностного разрыва причинами разрушения отношений между Россией и Евросоюзом становятся геополитические разломы, несовместимость национальных интересов, а в практическом плане – санкционная война и разрушение энергетической взаимозависимости.

В настоящей статье рассматриваются проблемы, связанные с различием ценностных и политических основ российско-европейских отношений в их кризисный момент. Автор уделяет особое внимание эволюции европейской либеральной демократии, а также смене российской политической парадигмы как основным причинам взаимного дистанцирования России и Европы.

Ключевые слова: Европейский союз, Россия, постлиберализм, иллюберализм, нелиберальная демократия, ценности.

Существующие объяснения причин охлаждения в отношениях и последующего «развода» между Европейским союзом и Россией можно разделить на несколько категорий.

Сторонники одной точки зрения, например С. Прозоров [Prozorov, 2006], Л. Ярошенко [Ярошенко, 2011], И. Тимофеев [Тимофеев, 2021], считают причиной отдаления Европы от России несовместимость базовых основ двух обществ. По большей части, они делают акцент на несовместимости базовых принципов общественного устройства традиционалистской России, основанной на идее сильной личной власти, и транснационального по своей сущности ЕС, фундаментом которого выступают общие нормы и законодательство. Логика такого противопоставления состоит в следующем. Если базовым принципом считается власть (точнее, легитимизированная и принятая гражданами система власти), то основной вопрос состоит в том, в чьих руках эта власть находится. Также из этого следует, что вопрос суверенитета, политической автономии государства не обсуждается, он принимается как данность. Если же за высшую ценность принимаются нормы, то во-

прос в чьих руках находится власть, как и вопрос национального суверенитета, отходит на второй план, а на первый план выходят вопросы нормотворчества и соблюдения норм.

Конечно, нормы не берутся «с потолка». Понятно, что они формулируются на основе неких интересов и их можно рассматривать лишь как инструменты для обслуживания национальных (и наднациональных) интересов [Casier, 2018]. Поэтому можно прийти к выводу, что разногласия между ЕС и Россией проистекают исключительно из противоположности национальных интересов сторон, а все рассуждения о несовместимости систем, построенных на основе норм, и систем, построенных на основе вертикали власти, – всего лишь не доведенная до конца логическая цепочка.

Другая точка зрения представлена в работах Р. Саквы и Д. Суслова. Р. Саква ищет причины противоречий между двумя сторонами в их различном историческом опыте и различиях в исповедуемой ими политической философии. Анализируя истоки нынешнего взаимонепонимания и подозрительности между Россией и Европой, он высказывает оптимизм по поводу возможности сотрудничества в будущем [Sakwa, 2014 ; Sakwa, 2017]. Д. Суслов несколько лет назад также высказывал надежду на потепление отношений и даже возобновление сотрудничества, но при этом подчеркивал, что какое-либо объединение усилий Евросоюза и РФ в принципе невозможно [Suslov, 2016].

Наконец, приверженцы третьей точки зрения на истоки конфликта между ЕС и Россией считают его причиной современный западноевропейский либерализм, точнее, его нынешнюю форму, которую многие характеризуют как неолиберализм [Boas, Gans-Morse, 2009], или постлиберализм [McFalls, Pandolfi, 2012]. Один из известных исследователей этого политического феномена А. Пабст подробно описывает, как постлиберализм Европы делает ее все менее привлекательной в глазах сторонних наблюдателей, в том числе – россиян, и как политическая культура современной Европы становится препятствием для сотрудничества России и ЕС [Pabst, 2019].

В предлагаемой статье в центре внимания находится именно эта политико-ценностная причина разрыва между Европой и Россией и анализируются причины, по которым постлиберализм Европы становится непреодолимым препятствием для восстановления отношений между Россией и ЕС в формате «бизнес как обычно».

Опыт России в отношении либерализма

После распада СССР в 1991 г. Россия поставила целью принять западную модель политического и экономического устройства и интегрироваться в западную политико-экономическую систему. 15 ноября 1991 г. президент России Б. Ельцин подписал пакет из десяти указов о переходе страны к рыночной экономике и сформировал новое правительство под своим руководством. Стратегической основой нового курса были объявлены экономический либерализм, политическая демократия и плюрализм. Были проведены первые достаточно свободные выборы, в которых активное участие приняло почти все население страны. Несмотря на то что бывшая советская номенклатура все еще имела большие возможности для манипуляции выборами, в целом страна двинулась по пути укрепления демократических институтов.

В области экономической политики новое правительство прибегло к так называемой «шоковой терапии». Участники «круглого стола» в Банковском институте ВШЭ 15 ноября 2012 г. отметили, что реформы в России осуществлялись в рамках «Вашингтонского консенсуса» – свода правил экономической политики, сформулированного английским экономистом Джоном Уильямсоном в 1989 г. для стран Латинской Америки. Основной целью «Вашингтонского консенсуса» был отход развивающихся стран от командной модели экономического развития 1960–1970-х годов и принятие ими принципов экономической политики, общих для большинства развитых государств. Новая модель включала в себя три основных элемента: приватизация (частная собственность), либерализация (открытие границ для торговли), стабилизация финансов (контроль над дефицитом бюджета и способы финансирования дефицита бюджета) [Солодков, 2012].

Новая политика правительства РФ столкнулась с серьезным сопротивлением со стороны Верховного Совета и Конституционного суда. В итоге растущие противоречия вылились в вооруженную конфронтацию между Верховным Советом и президентом, Верховный Совет был разгромлен, а старая Конституция заменена на новую, дававшую обширные полномочия президенту страны. Система сдержек и противовесов не была в полной мере сформирована, в России сложилась ультрапрезидентская республика, и новые полномочия позволили Б. Ельцину беспрепятственно проводить неолиберальную экономическую политику. Россия отказалась от контроля над ценами и валютными транзакциями, государственные субсидии экономике были отменены, в стране прошла широкая приватизация, воспоминания о которой до сих пор вызывают неприятие у многих граждан [Миронова, 2020]. Тогда же выявились идеологические расхождения между либерально настроенной частью интеллигенции и существенной частью населения [Золотарев, 2016].

Непосредственный результат неолиберальных экономических реформ оказался удручающим. В 2009 г. Н. Шмелев писал, что в 1990-е годы Россия потеряла половину своей экономики [Шмелев, 2009]. Массово распространились бедность, неверие в будущее, протестные настроения против неолиберального экономического курса правительства. Активизировалась преступность: в 1994 г. происходило 84 убийства в день, в 1999 г. было зарегистрировано 3 млн преступлений [Weiler, 2004, p. 35]. В свое время Д. Штиглиц отмечал, что неолиберальная экономическая политика может быть успешной лишь в том случае, если в стране создана крепкая правовая основа, эффективно работают демократические институты и накоплен достаточный опыт работы в рыночных условиях [Stiglitz, 2002]. В российских условиях либерализация привела к концентрации богатства в руках немногих, и даже приватизация жилья прошла с существенными перекосами. Поначалу население с энтузиазмом относилось к реформам, надеясь, что в скором времени страна начнет развиваться, повысится уровень жизни и граждане будут жить «как в Европе». Этого не произошло. К тому же неолиберальная экономическая политика привела к

сокращению налоговой базы государства, хотя его расходы не уменьшились. Российское правительство было вынуждено занимать все больше денег на международном рынке, чтобы оплатить хотя бы самые необходимые расходы. Стоимость обслуживания внешнего долга постоянно росла, и в итоге в 1998 г. Россия объявила дефолт, что привело к банкротству множества банков и предприятий. Цены взлетели, курс рубля упал, зарплаты и пенсии задерживались. Сложившаяся ситуация резко контрастировала с положением дел в советские времена, так как при прежнем строе государство не допускало абсолютной бедности среди населения, хотя в целом советские граждане жили весьма скромно.

Положение начало выправляться только в 2000-х годах. Экономический рост имел во многом восстановительный характер и происходил на фоне высоких цен на нефть, но в основе его лежали также и определенные отступления от неолиберальных практик, импортированных Россией из-за рубежа в 1990-е годы.

Вне прямой связи с тем, что происходило на самом деле, в памяти многих российских граждан попытка перехода страны к западному либеральному порядку ассоциируется с конституционной нестабильностью, коррупцией, несправедливой приватизацией и бедностью. Напротив, последующее десятилетие, когда началось постепенное сворачивание либеральной повестки, запомнилось как время роста благосостояния, общественного порядка и повышения эффективности государственного управления. Учитывая горький опыт 1990-х годов, неудивительно, что российские граждане с подозрительностью относятся к либерализму, попытки его возродить встречают сопротивление, а в обществе все громче звучат призывы отказаться от неолиберальной экономической политики (подробнее см.: [Глазьев, 2019]). Убежденность «коллективного Запада» в необходимости вернуть РФ на путь либерализма интерпретируется в лучшем случае как наивность и следствие недостаточной информированности, в других случаях – как стремление ослабить, раздробить и поработить Россию.

Трансформация либерализма на Западе

Граждане РФ в большинстве своем проявляют скептицизм по отношению к либеральным идеям не только из-за наличия горького опыта применения принципов политического и экономического либерализма при строительстве постсоветской России, но также из-за форм, которые либерализм приобретает на Западе в настоящее время. Российские элиты поначалу всерьез рассматривали принципы экономического либерализма как основу будущего развития страны, поскольку старый вариант централизованной плановой экономики обанкротился. На практике, однако, попытка трансформировать российскую экономику на принципах неолиберализма не удалась (или, по крайней мере, удалась не полностью). Это произошло, с одной стороны, из-за объективных трудностей при трансформации огромной монополизированной плановой экономики и, с другой стороны, из-за противодействия этому процессу многочисленных групп интересов. Возможно, в будущем можно было бы даже вернуться к либеральной экономической политике – на этот раз лучше подготовленной, постепенной и выверенной, – но в последнее время на пути укоренения либерализма в России возникло новое препятствие. В 2010-е годы политический либерализм в США и Европе радикально трансформировался и приобрел неприемлемый для российского общества облик, превратившись в так называемый постлиберализм [Gray, 1996].

Постлиберализм не является чем-то принципиально новым, он основывается на аристотелевской философской традиции и католической социальной мысли. Как пишет А. Пабст, по сути своей постлиберализм не является антилиберальным [Pabst, 2021], он всего лишь исходит из осознания пределов возможностей либерального проекта: принципы «классического» либерализма наносят ущерб индивидуализму; ограничивают свободу индивида до уровня права индивидуального выбора; не позволяют говорить о правах личности в отрыве от совместных обязанностей и в целом либерализм – в силу ограничений, налагаемых как свободным рынком, так и господством государства, – стремится не допускать эрозии промежуточных институтов, глобального беспорядка, ос-

нованного на принуждении, дефицита торговых балансов и нескончаемых войн.

Поэтому, борясь с ограничениями, налагаемыми властью государства на свободу личности, постлиберализм отказывается вообще от каких-либо ограничений. Поскольку такой подход предполагает, что государство плохо приспособлено для решения моральных вопросов, их решение отдается на откуп индивидууму. Ограничения, диктуемые моралью, ликвидируются. Также ликвидируются ограничения, диктуемые культурой, общественными и семейными связями, природой и даже собственно демократией. Ликвидация моральных ограничений сопровождается проникновением рыночных отношений абсолютно во все сферы человеческой жизни и деятельности, так как моральная невозможность что-то продать также считается ограничением, которое необходимо преодолеть [Sandel, 2012].

Активность отдельных групп общества, борющихся за свои права и привилегии, – будь то женщины, этнические группы или ЛГБТ-сообщество – входит в противоречие с интересами большинства; меньшинства начинают требовать отмены рамок, которые, по их мнению, ограничивают их возможности и права. К примеру, любовные отношения и брак начинают рассматриваться исключительно под углом несправедливого доминирования мужчин, и отсюда следует вывод, что традиционные рамки отношений должны быть отменены. Биологические ограничения, определяемые телом человека, также считаются нежелательными, поскольку постлиберализм предполагает, что свобода личности состоит в преодолении реальности, данной человеку его телом, и личность имеет право определять себя, исходя из своего понимания, кем он (она) хочет быть. Преодоление человеческого естества ставится в центр идеологии трансгуманизма, которую активно продвигают некоторые американские корпорации в попытках улучшить человеческое тело с помощью технологий. Гугл работает над технологиями продления жизни [Sanburn, 2013], а основанная И. Маском компания «Neuralink» разрабатывает чипы, вживляемые в мозг человека [Hamilton, 2022].

Экологические проблемы и конечность природных ресурсов игнорируются в процессе «обожествления» растущего потребления. Постлиберализм утверждает, что технологии помогут решить все проблемы и компенсировать недоработки и несовершенство природы. В конце концов, почему природа должна ограничивать человеческую волю? Адепты постлиберализма уверены, что разницы между тем, что возможно, и тем, что хочется, нет.

Основой демократического строя является плюрализм, который предполагает, что оппозиция имеет право высказываться и быть услышанной, не опасаясь наказания за критику или диссидентство. Постлиберализм такую установку отвергает. Он уравнивает признание существования ограничений на поведение человека с применением таких ограничений на практике. И в этом смысле постлиберализм становится антилиберальным, так как позволяет государству ограничивать то, что раньше оно не имело права ограничивать.

Французский философ А. де Токвиль отмечал, что демократия может стать жертвой диктата большинства, и тирания в отсутствие конкретного тирана может существовать в форме доминирования воли большинства над устремлениями меньшинства [Tocqueville de, 1835]. Для предотвращения этого в демократическом обществе организуется система сдержек и противовесов. Постлиберализм идет в этом вопросе гораздо дальше, считая, что для того, чтобы избежать ограничений, которые могут быть приняты демократическим путем по воле большинства, голос меньшинства должен иметь преимущество перед мнением большинства. Однако тем самым создается тирания меньшинства и постлиберализм теряет свое демократическое содержание [Pabst, 2019]. Борьба за контроль над ограничениями приводит к тому, что ограничения накладываются на всех, так как любое требование меньшинства приводит к введению ограничений для всех групп, не поддерживающих это требование.

Западные государства пытаются интегрировать постлиберальную идеологию в свою внешнюю политику, требуя, чтобы их зарубежные партнеры разделяли идеи постлиберализма. Так как большинство зарубежных партнеров западных стран, в том числе

Россия, не разделяют и не приемлют ценности постлиберализма, внешняя политика «коллективного Запада» становится причиной все новых конфликтов. Например, весьма характерным для сложившейся ситуации является принятие Госдумой РФ закона о запрете пропаганды ЛГБТ в СМИ, Интернете, рекламе, литературе и кино, – по мнению спикера Госдумы В. Володина, это «лучший» ответ госсекретарю США Э. Блинкену на его попытки вмешательства в российский законодательный процесс [Мильченко, 2022].

Особенно остро несовместимость постлиберального и традиционного подходов проявляется в вопросе прав человека, поскольку граница между постлиберализмом и правами человека выглядит размытой. Действительно, в плане практической политики разные страны не всегда одинаково подходят к вопросу о нарушении прав человека, а так называемая парадигма «обязанности защищать» хоть и была поддержана всеми членами ООН на Всемирном саммите в 2005 г., на практике вызывает жаркие споры в Совете Безопасности [Welsh, 2019]. Тем не менее в целом можно утверждать, что на Западе, да и во всем мире, существует консенсус о неприемлемости нарушения прав человека. Однако сегодня, когда западные государства начали продвигать повестку прав человека в постлиберальной интерпретации, ее поддержка западными странами ставится под вопрос. Западные государства, видимо, и в дальнейшем будут отвергать постлиберальные ценности. А поскольку в нынешней западной повестке эти ценности прочно связаны с вопросом о правах человека, весьма вероятно, что западные страны отвергнут не только постлиберальные концепции, но и идеи защиты прав человека, которые сегодня неразрывно связаны с постлиберализмом.

Хотя постлиберализм еще не стал основой мировоззрения всего «коллективного Запада», он постепенно подчиняет себе западное общество. Его поддерживают корпорации, так как постлиберализм позволяет сделать товаром любые, даже прежде неприкосновенные аспекты жизни общества и, следовательно, позволяет получить прибыль. Поскольку основные западные медиа принадлежат корпорациям, они системно удерживают постлиберальные ценности в фокусе внимания граждан. В каждой западной стране

есть как минимум одна партия, выступающая за постлиберальные ценности, а в некоторых странах уже вся государственная политика основывается на них.

Нелиберальная демократия (иллиберализм)

Давно замечено, что в России либерализм и демократия не являются синонимами [Панктин, 1994]. Сегодня это различие становится все более очевидным, и если некоторые авторы характеризуют РФ как нелиберальную демократию (термин введен Ф. Закарией [Zakaria, 1997]), то в политическом либерализме России решительно отказывают. Не так давно большая часть дискуссии в российском общественно-политическом дискурсе строилась на противопоставлении неолиберализма как рыночной идеологии, определявшей ход рыночных реформ и приватизации в России, и демократии, интерпретировавшейся как народовластие, свобода слова, сменяемость власти и право на оппозицию. Однако сегодня либерализм все чаще понимается как всеобъемлющая политическая идеология (подробнее см.: [Либерализм ..., 2019]). Соответственно, в качестве его противоположности выступает иллиберализм (нелиберализм).

Американская исследовательница М. Ларуэль считает иллиберализм наиболее мощным политическим трендом последнего времени. По ее мнению, иллиберализм не является антилиберализмом; скорее, это еще одна форма неолиберальной идеологии, переосмыслившей опыт либерализма. Иллиберальные лидеры отрицают не собственно либерализм, а некоторые его ценности, такие как феминизм, продвижение прав сексуальных меньшинств, иммиграционную политику и политическую корректность, т.е. отвергают культурный либерализм и в своей политике и риторике начинают опираться на традиционные ценности и нормы. М. Ларуэль поясняет, что иллиберализм – это не реакционная идеология, призывающая вернуться в прошлое, а, скорее, неолиберальная модернистская концепция, порожденная сомнениями по поводу глобализации [Laruelle, 2022a].

Однако для объяснения происходящей поляризации в политике Европы и России одних только культурных факторов явно

недостаточно. Основными причинами поляризации являются экономические итоги глобализации, в частности то, что глобализация обошла своими благами значительную часть общества и в России эта часть оказалась существенно больше, чем в Европе. Г. Шейринг, проанализировавший около семи десятков публикаций об иллиберализме, обнаружил, что в большинстве случаев авторы не считают нужным анализировать экономические истоки иллиберализма и уделяют внимание исключительно культурным и политическим причинам его возникновения. Вместе с тем он указывает, что как минимум треть «всплесков» иллиберального популизма была вызвана экономическими шоками и утратой экономической безопасности и что именно экономическая уязвимость приводит граждан к нелиберальным политическим взглядам [Scheiring, 2022]. Таким образом, можно утверждать, что растущий скептицизм в отношении либеральных ценностей и либеральной демократии является продуктом стресса из-за экономической незащищенности, который испытывает все больше людей.

Идеи иллиберализма часто идут рука об руку с концепциями и практиками популизма. В некоторых случаях эти понятия можно считать синонимами, так как их социально-политические истоки и формы проявления часто идентичны.

Распространение популизма началось после Второй мировой войны. В 1967 г. в Лондонской школе экономики прошла конференция, на которой были сформулированы основные подходы к изучению этого явления [Conference ..., 1967]. Участники конференции отмечали, что популистами чаще всего становятся люди, укорененные в идеализированном прошлом; что популисты настаивают на скорейшем моральном обновлении; что популизм соотносится с появлением образа некоего «врага» – внутреннего, внешнего или искусственно сконструированного [Ibid.]. К. Мадл и Р. Калтвассер в исследованиях, посвященных анализу современного правого популизма, отмечают, что современный популизм также включает в себя элементы авторитаризма и нативизма (предпочтения местных жителей иммигрантам) [Mudde, Kaltwasser, 2017].

В настоящее время в научной литературе встречаются три точки зрения на иллиберальный популизм. Одни исследователи полагают, что популизм – это идеология, появившаяся как реакция на неолиберализм и глобализацию. Другие считают, что опасность, связанная с популизмом, заключается вовсе не в том, что он способен каким-то образом подорвать и разрушить либерализм, а в том, что либерализм может обрести определенные черты популизма, и тогда элиты с помощью государства смогут воссоздать патримониальные отношения собственности: т.е. проблема в том, что взаимодействие власти и бизнеса может сойти с рельсов честной конкуренции и свободного предпринимательства и перестанет подчиняться верховенству закона. Наконец, третья точка зрения состоит в том, что популизм представляет собой лишь определенный стиль политической риторики, в ходе которой граждане противопоставляются политическим элитам, страсти подогреваются постоянными апелляциями к разного рода кризисам и угрозам; и в целом популизм является дурным тоном.

Иллиберализм часто определяют как противоположность постлиберализма: у него «нет устойчивой точки зрения на экономическую политику или политическую систему. Следующие ему политические деятели чаще всего комбинируют иллиберализм с другой мощной идеологией: правые – с национализмом, а левые – с элементами социализма» [Muddle, 2022]. В отличие от великих идеологий прошлого, иллиберализм не может похвастаться детально разработанными доктринами, базовыми текстами или классиками-основателями. Иллиберализм является перевернутым отражением либерализма, поэтому при его анализе следует отталкиваться от базовых либеральных принципов, сформулированных в начале перехода стран Восточной и Центральной Европы к либеральной демократии: «минимальное вмешательство государства, которое позволяет индивидуумам рационально преследовать свои интересы при погружении в общественную публичность, где гарантированы активное и свободное участие в демократическом процессе. С культурной точки зрения также подразумевается особое внимание к соблюдению прав меньшинств» [Pirro, Stanley, 2021].

Сегодняшний иллиберализм ставит под вопрос этот канонический взгляд. Нынешние лидеры иллиберализма уже не согласны с тем, что либерализм является по умолчанию нормативной рамкой европейских ценностей, пусть даже понимаемых несколько по-разному в разных странах. В результате либерализм из «единственно верного учения» превращается лишь в один из вариантов организации общества и политической системы. М. Ларуэль подчеркивает, что иллиберализм является не столько анти-тезисом либерализму, сколько реакцией на невыполнение неолиберальных обещаний: разочарованием в «экстремальной атомизации индивидуума и поиске счастья через потребление». Это также призыв «к установлению нового политического и социального порядка, который предложит более мажоритарные, суверенные, культурно гомогенные и социально-консервативные решения» [Laruelle, 2022b].

Можно предположить, что основными причинами распространения иллиберализма в России стали растущее ощущение экономической уязвимости и недовольство результатами экономической политики прошлых лет. Не стоит связывать подъем иллиберализма исключительно с эффективностью антилиберальной пропаганды. Многим российским гражданам иллиберализм представляется осмысленным и правильным. Он играет существенную роль в мобилизации электората на основе отрицания двух десятилетий экономического развития России после краха коммунизма. Иллиберальный электорат предъявляет несколько основных требований: предложить людям цель и смысл жизни, выходящие за рамки материального благополучия; предложить формы существования общества, которые остановят процесс атомизации социума; обеспечить систему перераспределения капитала между гражданами, хотя бы и в символической форме.

Иллиберализм обладает потенциалом для общественной мобилизации, обещает гражданам общие цели и ощущение единства – что полностью отсутствует в либеральной повестке. По словам Дж. Барлетта, иллиберализм борется с «пустым консюмеризмом, безобразной прекариатной занятостью и разобщенным обществом» (цит. по: [Pabst, 2020, p. 214]).

Выше уже отмечалось, что иллиберализм обычно развивается на основе укорененной идеологии; в России это, видимо, национализм (имеется в виду национализм политической нации). Современный либерализм не предлагает эффективных решений проблем, вызванных глобализацией, иммиграцией, деиндустриализацией. В результате в России усиливается подъем иллиберализма, который входит в драматическое противоречие с версией постлиберализма, практикуемой в большинстве стран Европы.

* * *

В конце 2000-х годов инициатором дистанцирования от России выступила Европа, поставившая условием дальнейшего расширения сотрудничества с РФ ее политическую и ценностную трансформацию. Поскольку Европа в политическом отношении считала себя совершенной, то диалога с Россией по этому вопросу не получилось. Еще в 2004 г. Т. Бордачев и А. Мошес писали: «Причина некоторой шизофреничности российско-европейских отношений заключается в том, что ни Россия, ни ЕС не желают открыто признать: сегодня они представляют собой совершенно разные политико-экономические системы. Стало быть, и интеграция между ними нереальна, по меньшей мере в среднесрочной перспективе. А если нет даже отдаленной перспективы членства России в этой организации, то зачем принимать ее политические и правовые стандарты?» [Бордачев, Мошес, 2004]. Предложения России о том, что она готова пройти свою часть пути, если и ЕС будет делать шаги навстречу, Европа обсуждать не желала, считая, что западная версия либеральной демократии и верховенства права является идеальной. Прогресс в отношениях постепенно замедлялся и вовсе остановился в 2006 г. при обсуждении перспектив заключения нового стратегического соглашения вместо истекавшего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Как отмечал Ф. Лукьянов, «между Россией и ЕС отсутствует понимание друг друга, они не могут договориться ни по одному интересу, потому что не понимают друг друга... надежды ЕС на то, что они смогут подтолкнуть Россию к политической трансформации и, особенно,

к подписанию Энергетической хартии, не оправдались, так же как и надежды Москвы на “большую сделку”, которая объединила бы энергосистемы России и ЕС к взаимной выгоде» [Lukyanov, 2008, p. 1113].

В марте 2014 г. Евросоюз начал вводить против России экономические санкции из-за событий в Крыму и на Украине. К марту 2016 г. ЕС сформулировал пять принципов взаимоотношений с Россией, которые вряд ли можно было считать нацеленными на гармонизацию отношений и сближение: 1) реализация Минских соглашений как ключевое условие существенных изменений в отношении ЕС к России; 2) укрепление отношений ЕС со своими «восточными партнерами» и странами Центральной Азии; 3) укрепление «выносимости ЕС» (включая энергетическую безопасность, гибридные угрозы и прочее); 4) поддержание выборочных отношений с Россией лишь в тех областях, которые представляют интерес для ЕС; 5) укрепление контактов между людьми и поддержка российского гражданского общества [Fact sheets ..., 2020].

В 2022 г. после начала Россией СВО на Украине отношения ЕС и России оказались полностью разрушены, и, хотя видимой причиной коллапса отношений выступают как сама операция, так и открытое противостояние России и «коллективного Запада», некоторые срезы противостояния, – например, «культура отмены» всего русского на Западе – возвращают нас к вопросам о несовместимости ценностей и конфликте идеологий. Конечно, было бы чудовищным упрощением утверждать, что нынешний конфликт между «коллективным Западом» и Россией вырос исключительно из идеологической несовместимости, но неоспоримо и то, что сегодняшний конфликт был подготовлен в том числе и противопоставлением постлиберальных и традиционалистских консервативных ценностей. Долгие годы изображение недемократичных, коррумпированных и беспринципных русских в западном дискурсе дополнялось картиной аморальных, постхристианских и меркантильных европейцев в российской общественно-политической повестке. Были ли эти образы искусственно сконструированы пропагандистами, обрабатывавшими заказ по обе стороны разделительной линии? Видимо, пропаганда внесла свой вклад в нарас-

тание противостояния, но очевидно и другое: принимать европейские нормы политики и морали ни элиты России, ни ее население не готовы.

Литература/References

Бордачев Т., Мошес А. (2004). Россия : конец европеизации? // Россия в глобальной политике. – Москва. – № 2. – 07.04. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-konecz-evropeizaczii/> (дата обращения: 14.11.2022) [Bordachev T., Moshes A. (2004). Russia : the end of Europeanization? [*Rossiya : konets evropeizatsii?*] // Russia in global affairs. – Moscow. – N 2. – 07.04. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-konecz-evropeizaczii/> (date of access: 14.11.2022)] (In Russian).

Глазьев С.Ю. (2019). Управление развитием экономики : курс лекций / МГУ. – Москва. – 760 с. [Glazyev S. Yu. (2019). Management of economic development : lectures [*Upravlenie razvitiem ekonomiki : kurs lektcii*] / Moscow State Univ. – Moscow. – 760 p.] (In Russian).

Золотарев О.В. (2016). Либеральная интеллигенция в современной России // Интеллигенция и мир. – Москва. – № 2. – С. 55–65 [Zolotarev O.V. (2016). Liberal intelligentsia in modern Russia [*Liberal'naya intelligentsiya v sovremennoi Rossii*] // Intelligentsia and the world. – Moscow. – N 2. – P. 55–65] (In Russian).

Либерализм в XXI веке : современные вызовы свободе и новые либеральные ответы. (2019) / Под ред. В. Рыжкова. – Москва : Мысль. – 372 с. [Liberalism in the XXIst century : modern challenges to freedom and new liberal responses [*Liberalizm v XXI veke : sovremennye vyzovy svobode i novye liberal'nye otvety*]. (2019) / V. Ryzhkov (Ed.). – Moscow : Mysl'. – 372 p.] (In Russian).

Мильченко А. (2022). «Ответ Блинкену» : Госдума одобрила полный запрет пропаганды ЛГБТ // Gazeta.ru. – Москва. – 24.11. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/11/24/15834307.shtml> (дата обращения: 26.11.2022) [Milchenko A. (2022). «Answer to Blinken» : The State Duma approved a complete ban on LGBT propaganda [*Otvet Blinkenu*] : Gosduma odobrila polnyi zapret propagandy LGBT] // Gazeta.ru. – Moscow. – 24.11. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/11/24/15834307.shtml> (date of access: 26.11.2022)] (In Russian).

Миронова А. (2020). Срослось коленками назад : о травме приватизации и ее последствиях // Gazeta.ru. – Москва. – 03.12. – URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/13382893.shtml> (дата обращения: 14.11.2022) [Mironova A. (2020). Grown knees back : about the trauma of privatization and its consequences [*Sroslos' kolenkami nazad : o travme privati-*

zatsii i ee posledstviyakh] // Gazeta.ru. – Moscow. – 03.12. – URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/13382893.shtml> (date of access: 14.11.2022)] (In Russian).

Панктин И.К. (1994). Драма противостояния демократия/либерализм в старой и новой России // Полис. – Москва. – № 3. – С. 75–94 [Panktin I.K. (1994). The drama of confrontation democracy/liberalism in old and new Russia [*Drama protivostoyaniya demokratiya/liberalizm v staroi i novoi Rossii*] // Polis. – Moscow. – N 3. – P. 75–94] (In Russian).

Рубинский Ю.И. (2007). Европейские ценности / Институт Европы РАН. – Москва. – 50 с. [Rubinsky Yu.I. (2007). European values [*Evropeiskie tsennosti*] / Institute of Europe RAS. – Moscow. – 50 p.] (In Russian).

Солодков В.М. (2012). Становление современной российской экономики : почему так трудно? / НИУ ВШЭ. – Москва. – 15.11. – URL: <https://www.hse.ru/news/science/66817912.html> (дата обращения: 14.11.2022) [Solodkov V.M. (2012). The formation of the modern Russian economy : why is it so difficult? [*Stanovlenie sovremennoi rossiiskoi ekonomiki : pochemu tak trudno?*] / HSE univ. – Moscow. – 15.11. – URL: <https://www.hse.ru/news/science/66817912.html> (date of access: 14.11.2022)] (In Russian).

Тимофеев И.Н. (2021). Россия и Запад : проблема в ценностях? / РСМД. – Москва. – 13.07. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-zapad-problema-v-tsennostyakh/> (дата обращения: 14.11.2022) [Timofeev I.N. (2021). Russia and the West : a problem in values? [*Rossiya i Zapad : problema v tsennostyakh?*] / RIAC. – Moscow. – 13.07. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-zapad-problema-v-tsennostyakh/> (date of access: 14.11.2022)] (In Russian).

Чубарьян А.О. (1987). Европейская идея в истории : проблемы войны и мира. – Москва : Международные отношения. – 352 с. [Chubarayan A.O. (1987). The European idea in history : problems of war and peace [*Evropeiskaya ideya v istorii : problemy voiny i mira*]. – Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya. – 352 p.] (In Russian).

Шмелев Н.П. (2009). Россию убьет рентабельность в 1000% / РАН. – Москва. – 07.12. – URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=c43ea27d-4c88-4d2a-9053-46da30e1e185> (дата обращения: 14.11.2022) [Shmelev N.P. (2009). Russia will be killed by profitability of 1000% [*Rossiye ub'et rentabel'nost' v 1000%*] / RAS. – Moscow. – 07.12. – URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=c43ea27d-4c88-4d2a-9053-46da30e1e185> (date of access: 14.11.2022)] (In Russian).

Ярошенко Л.А. (2011). «Разрыв ценностей» в политическом диалоге Россия – Европейский союз (1994–2010) : автореф. дисс. ... канд. полит. наук / НИУ ВШЭ. – Москва. – 36 с. [Yaroshenko L.A. (2011). «Value gap» in the

political dialogue between Russia and the European Union (1994–2010) : Ph.D. thesis [«*Razryv tsennostei» v politicheskom dialoge Rossiya – Evropeiskii soyuz (1994–2010) : avtoref. diss. ... kand. polit. nauk*] / HSE univ. – Moscow. – 36 p.] (In Russian).

Boas T.C., Gans-Morse J. (2009). Neoliberalism : from new liberal philosophy to anti-liberal slogan // *Studies in comparative international development*. – Berlin : Springer. – Vol. 44, Issue 2. – P. 137–161.

Casier T. (2018). The different faces of power in European Union–Russia relations // *Cooperation and conflict*. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publishing. – Vol. 53, Issue 1. – P. 101–117.

Cerutti F. (2001). Towards the political identity of the Europeans : an introduction // *A soul for Europe : on the political cultural identity of the Europeans* / F. Cerutti, U. Rudolph (Eds.). – Leuven : Peeters Publishers. – P. 1–17.

Conference on populism : verbatim report. (1967) / MacRae D., Schapiro L., Deakin F.W., Seton-Watson H., Worsley P., Gellner E., Berlin I. ; London school of economics and political science. – London. – URL: <http://eprints.lse.ac.uk/102463/> (date of access: 14.11.2022).

Fact sheets on the European Union : Russia. (2020) / European Parliament. – Strasbourg. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/177/russia> (date of access: 14.11.2022).

Gray J. (1996). Post-liberalism : studies in political thought. – Abingdon-on-Thames : Routledge. – 372 p.

Hamilton I.A. (2022). The story of Neuralink : Elon Musk’s AI brain chip company where he had twins with a top executive // *Business insider*. – Cape Town. – 10.09. – URL: <https://www.businessinsider.co.za/neuralink-elon-musk-microchips-brains-ai-2021-2> (date of access: 14.11.2022).

Hay D. (1957). Europe : the emergence of an idea. – Edinburgh : Edinburgh univ. press. – 176 p.

Laruelle M. (2022a). Illiberalism : a conceptual introduction // *East European politics*. – Abingdon-on-Thames : Routledge. – Vol. 38, Issue 2. – P. 303–327.

Laruelle M. (2022b). To understand today’s social and moral transformation, study illiberalism // *The Loop* / European consortium for political research. – Colchester. – 30.05. – URL: <https://theloop.ecpr.eu/to-understand-todays-social-and-moral-transformation-study-illiberalism/> (date of access: 14.11.2022).

Lukyanov F. (2008). Russia–EU : the partnership that went astray // *Europe–Asia studies*. – Abingdon-on-Thames : Routledge. – Vol. 60, Issue 6. – P. 1107–1119. DOI: 10.1080/09668130802181007.

McFalls L., Pandolfi M. (2012). Post-liberalism / Univ. de Montréal. – Montréal. – 5 p. – URL: <https://www.academic-foresights.com/Post-Liberalism.pdf> (date of access: 14.11.2022).

Mudde C., Kaltwasser C.R. (2017). Populism : a very short introduction. – Oxford : Oxford univ. press. – 136 p.

Muddle C. (2022). Populism in the twenty-first century : an illiberal democratic response to undemocratic liberalism / Univ. of Pennsylvania. – Philadelphia, PA. – URL: <https://amc.sas.upenn.edu/cas-mudde-populism-twenty-first-century> (date of access: 14.11.2022).

Pabst A. (2019). The demons of liberal democracy. – Cambridge : Polity. – 160 p.

Pabst A. (2020). In the shadow of sectarianism : religion and the neo-nationalist resurgence in Brexit Britain // Religion and neo-nationalism in Europe / Höhne F., Meireis T. (Eds.). – Baden-Baden : Nomos. – P. 203-216.

Pabst A. (2021). Postliberal politics : the coming era of renewal. – Cambridge : Polity. – 160 p.

Pirro A.L.P., Stanley B. (2021). Forging, bending, and breaking : enacting the «illiberal playbook» in Hungary and Poland. – Cambridge : Cambridge univ. press. – 09.07. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/perspectives-on-politics/article/forging-bending-and-breaking-enacting-the-illiberal-playbook-in-hungary-and-poland/3DD83EDB9BA4D3DA72DC4F77A8F0686A> (date of access: 14.11.2022).

Prozorov S. (2006). Understanding conflict between Russia and the EU. – London : Palgrave Macmillan. – 222 p.

Sakwa R. (2014). Putin redux : power and contradiction in contemporary Russia. – Abingdon-on-Thames : Routledge. – 262 p.

Sakwa R. (2017). Russia against the rest : the post-Cold War crisis of world order. – Cambridge : Cambridge univ. press. – 374 p.

Sanburn J. (2013). Google Calico and a brief history of the immortality business // Time. – New York. – 18.09. – URL: <https://business.time.com/2013/09/18/google-calico-and-a-brief-history-of-the-immortality-business/> (date of access: 14.11.2022).

Sandel M. (2012). What money can't buy : the moral limits of markets. – New York : Farrar, Straus and Giroux. – 256 p.

Scheiring G. (2022). The populist backlash against globalization : economic insecurity or culture war? / IERES. – Washington, D.C. – 21.07. – URL: <https://www.illiberalism.org/the-populist-backlash-against-globalization-economic-insecurity-or-culture-war/> (date of access: 14.11.2022).

Stiglitz J.E. (2002). Globalization and its discontents. – New York : W.W. Norton & Company. – 304 p.

Suslov D.V. (2016). Without a «common space» : a new agenda for Russia-EU relations // Russia in global affairs. – Moscow. – 01.07. – URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/without-a-common-space-a-new-agenda-for-russia-eu-relations/> (date of access: 14.11.2022).

Tocqueville A. de (1835). De La Démocratie en Amérique. – Paris : Pagnerre. – 512 p.

Weiler J.D. (2004). Human rights in Russia : a darker side of reform. – Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers. – 166 p.

Welsh J.M. (2019). Norm robustness and the responsibility to protect // J. of global security studies. – Oxford : Oxford univ. press. – Vol. 4, Issue 1. – P. 53-72.

Zakaria F. (1997). The rise of illiberal democracy // Foreign affairs / Council on foreign relations. – New York. – Vol. 76, Issue 6. – P. 22-43.

DOI: 10.31249/ape/2023.01.02

Bratersky M.V.¹

Post-liberalism versus «illiberal democracy»: how ideology divides the European Union and Russia

Abstract. For several decades, expert and political community has been actively discussing the reasons why lately the rapprochement of Russia and the EU has been reversed. Among the reasons of «divorce», which began in the first half of the 2000s and became apparent in 2008 after the Russian-Georgian conflict in South Ossetia, experts mention geopolitical contradictions, incompatibility of economic interests and other causes. Particular attention in the scientific literature is paid to the growing gap in value ideas of the European Union and Russia and an impossible compromise between the views of opposing sides on the organization of society and the world in general, on the role of an individual and the state as well as on understanding of good and evil.

Traditionally, the system of European values was defined as «fundamental human rights and freedoms, liberalism in economics and politics,

¹ **Bratersky Maxim Vladimirovich** – Sc.D. in Political Sciences, Leading Researcher, Head of Sector INION RAS; Professor, Leading Researcher, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University «Higher School of Economics» (mbratersky@hse.ru).

equality of all before the law and the rule of law»¹. However, it seems that the current situation differs significantly from the situation described by researchers in the 1990s–2000s. Not only the Russian world outlook has changed, the values of the European Union have also undergone a profound transformation. In the process of globalization and the accompanying formation of supranational elites, the EU has come to extreme forms of liberalism, completely incompatible with the system of traditional values that is gaining ground in Russia. In addition to the value gap, the reasons for the deterioration of relations between Russia and the European Union are geopolitical faults, incompatibility of national interests and, in practical terms, the sanctions war and the collapse of energy interdependence.

The article deals with the issue of value basis of Russian-European relations during current critical moment. The author places special emphasis on the evolution of European liberal democracy as well as on the change of Russian political paradigm as the main reasons for the mutual distancing between Russia and the EU.

Keywords: European Union, Russia, post-liberalism, illiberalism, illiberal democracy, values.

Статья поступила в редакцию (Received) 7.11.2022.

Доработана после рецензирования (Revised) 12.12.2022.

Принята к публикации (Accepted) 23.12.2022.

¹ [Yaroshenko, 2011].